

Роль внешней разведки в принятии решений в годы Великой Отечественной войны: новые документальные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации

Ломагин Никита Андреевич

Доктор исторических наук, профессор, начальник отдела «Институт истории обороны и блокады Ленинграда»,
SPIN-код РИНЦ: 4384-5805, ORCID: [0000-0002-9476-6159](http://orcid.org/0000-0002-9476-6159), lomagin@eu.spb.ru

Европейский университет в Санкт-Петербурге; Северо-Западный институт управления РАНХиГС, Государственный
мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, Санкт-Петербург, РФ

Аннотация

К 80-летию Победы Советского Союза в Великой Отечественной войне Служба внешней разведки РФ опубликовала на своем сайте 6-томное издание документов за период с 1939 по 1945 годы, многие из которых впервые введены в научный оборот. В общей сложности опубликовано более 800 источников. Около четверти материалов являются специальными сообщениями или информационными справками внешней разведки НКВД-НКГБ, адресованными в Государственный комитет обороны. Значительная часть документов пересыпалась для использования в Генеральном штабе, Наркомат иностранных дел или в Совинформбюро. На основании уже опубликованных документов и обширной литературы по вопросам истории СССР, международных отношений, военного планирования, работы Генерального штаба в статье ряд материалов многотомного издания представлены в широком историческом контексте, что позволяет по-новому взглянуть на роль внешней разведки в информационно-аналитическом обеспечении управленческих решений по вопросам внешней политики и безопасности. Наиболее ценные сведения разведка получала от агентуры в Лондоне, и это позволило решить ряд важных задач. Во-первых, происходило качественное и своевременное информирование руководства страны о планах Германии и ее ближайших союзников. В статье приведен пример выявления разведорганами сущности замыслов руководства вермахта на лето 1943 года при проведении операции «Цитадель». Во-вторых, разведка предоставляла детальные сведения о политической ситуации в стане союзников, прежде всего Великобритании. Это создавало благоприятные предпосылки для ведения переговоров не только с Лондоном, но и Вашингтоном по вопросам сотрудничества по всему спектру вопросов — от давления на Финляндию и предоставления материально-технической и военной помощи до открытия второго фронта и обсуждения послевоенного устройства, в частности в регионе Балтийского моря. Наконец, приведены примеры работы разведки по информированию руководства страны об оккупационном режиме и преступлениях нацистов в отношении гражданского населения и военнопленных.

Ключевые слова

Вторая мировая война, советская внешняя разведка, Германия, Англия, США, Финляндия, второй фронт, операция «Цитадель».

Для цитирования

Ломагин Н.А. Роль внешней разведки в принятии решений в годы Великой Отечественной войны: новые документальные материалы из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // Государственное управление. Электронный вестник. 2025. № 113(С). С. 66-77. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-66-77

The Role of Foreign Intelligence in Decision-Making during the Great Patriotic War: New Documentary Materials from the SVR Archive

Nikita A. Lomagin

DSc (History), Professor, Head of the Institute for the History of the Defense and Siege of Leningrad Department,
ORCID: [0000-0002-9476-6159](http://orcid.org/0000-0002-9476-6159), lomagin@eu.spb.ru

European University at St. Petersburg; Northwestern Institute of Management, Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration; State Memorial Museum of the Defense and Siege of Leningrad, Saint Petersburg,
Russian Federation.

Abstract

To mark the 80th anniversary of the Soviet Union's victory in the Great Patriotic War, the Russian Foreign Intelligence Service has published a six-volume collection of documents from 1939 to 1945, many of which are being introduced into scholarly circulation for the first time. In total, over 800 sources have been published. About a quarter of the materials are special reports or informational reports from the NKVD-NKGB foreign intelligence service, addressed to the State Defense Committee. A significant portion of the documents were forwarded for use by the General Staff, the People's Commissariat of Foreign Affairs, or the Sovinformburo. Drawing on previously published documents and extensive literature on the history of the USSR, international relations, military planning, and the work of the General Staff, this article presents a selection of materials from the multi-volume publication in a broad historical context, allowing for a fresh look at the role of foreign intelligence in providing information and analytical support for management decisions on foreign policy and security matters. Intelligence received the most valuable information from agents in London, which enabled the accomplishment of several important objectives. First, it ensured high-quality and timely information for the country's leadership on the plans of Germany and its closest allies. The article provides an example of how intelligence agencies uncovered the essence of the Wehrmacht leadership's plans for the summer of 1943 during Operation Citadel. Second, intelligence provided detailed information on the political situation in the Allied camp, primarily Great Britain. This created favourable conditions for negotiations not only with London but also with Washington on cooperation across a wide range of issues — from pressuring

Finland and providing logistical and military assistance to opening the second front and discussing post-war developments, particularly in the Baltic Sea region. Finally, examples are given of intelligence work to inform the country's leadership about the occupation regime and Nazi crimes against civilians and prisoners of war.

Keywords

World War II, Soviet foreign intelligence, Germany, England, USA, Finland, second front, Operation Citadel.

For citation

Lomagin N.A. (2025) The Role of Foreign Intelligence in Decision-Making during the Great Patriotic War: New Documentary Materials from the SVR Archive. *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik*. No. 113(S). P. 66–77. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-113(S)-2025-66-77

Дата поступления/Received: 10.09.2025

Введение

Публикация 6-томного издания документов Управления разведки НКВД-НКГБ СССР периода Второй мировой войны, подготовленного Службой внешней разведки Российской Федерации к 80-летию Победы, — большой подарок историкам, специалистам-международникам и всем, кто занимается изучением деятельности спецслужб. Это, пожалуй, первое систематическое представление деятельности органов разведки за весь период Второй мировой войны, высвечивающее важнейшие ее этапы — вторжение нацистской Германии в Польшу и втягивание в войну большинства стран Европы; подготовка гитлеровским режимом агрессии против СССР и ее реализация с 1941 по 1945 годы; складывание на основе объединяющей угрозы антигитлеровской коалиции во главе с СССР, США и Великобританией с целью разгрома агрессоров в Европе, Азии и Африке; наконец, формирование нового мирового порядка на основе Организации Объединенных Наций.

Данное издание является логическим завершением большой работы по подготовке и публикации источников по истории деятельности советских спецслужб в период, который стал моментом истины для всей системы государственного управления. Издание доступно на сайте Российского исторического общества¹.

Обзор литературы и публикаций документов

В последние годы появился ряд важных публикаций документов, иллюстрирующих работу советской разведки в период Второй мировой войны. Они посвящены ее начальному этапу², советско-финляндским отношениям накануне и в период зимней войны³, а также работе «Кембриджской пятерки», в состав которой входили выпускники британского Тринити-колледжа в Кембридже, сотрудничавшие в 1930–1950-е годы с советской разведкой. Члены группы занимали высокие посты в спецслужбах и внешнеполитическом ведомстве Великобритании. От участников «Кембриджской пятерки» в предвоенные и военные годы СССР получил наиболее ценную информацию по основным международным проблемам, включая планы Гитлера по нападению на СССР, о битвах под Москвой и на Курской дуге, перспективах открытия второго фронта, сепаратных переговорах США и Англии с Германией, замыслах милитаристской Японии⁴ [Лаврентьев 2024]. Эти материалы существенно дополнили публикации начала 1990-х годов, когда в научный оборот были введены сотни важнейших материалов, раскрывающих работу разведорганов накануне и в годы Великой Отечественной войны⁵.

¹ Документальные материалы (1939–1945) из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // РИО [Электронный ресурс]. URL: <https://historyrussia.org/sobytiya/dokumentalnye-materialy-1939-1945-iz-arkhiva-sluzhby-vneshnej-razvedki-rossijskoj-federatsii.html> (дата обращения: 15.05.2025). Далее при ссылках на данный источник мы указываем год и лист источника, как он представлен на сайте Российского исторического общества.

² Агрессия. Рассекреченные документы службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 / сост. Л.Ф. Соцков. М.: РИПОЛ классик, 2011.

³ Зимняя война 1939–1940 гг. в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ России и архивов Финляндии: Исслед., док., коммент / Отв. ред. А.Н. Сахаров, В.С. Христофоров, Т. Вихавайнен. М.: ИКЦ «Академкнига», 2009; Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации по Советско-финской войне // СВР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/upload/iblock/0a2/10122024.pdf> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ Опубликованы новые уникальные рассекреченные документы СВР о «Кембриджской пятерке» // СВР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/smi/2024/10/opublikovany-novye-unikalnye-rassekrechennye-dokumenty-svr-o-kembridzhskoy-pyatkerke.htm> (дата обращения: 15.05.2025).

⁵ Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Том 1. Накануне. Книга первая. Книга вторая. М.: «Книга и бизнес», 1995.

Составители сборника тридцатилетней давности отмечали, что советской разведке, несмотря на репрессии 1937–1938 годов, наряду с сообщениями контрразведки и пограничных войск, удалось собрать информацию, которая убедительно свидетельствовала о неизбежности близкой войны с Германией. Накануне войны, по мнению авторов вводной статьи к сборнику, внешняя разведка выполняла в основном информационные функции, а аналитическая работа, являющаяся необходимой частью разведывательной деятельности, не велась. «Правом окончательной оценки информации и принятия по ней решения обладал только один человек — И.В. Сталин, мнение которого было непрекаемо, даже если он и неверно оценивал обстановку»⁶. В итоге он подчас верил официальным заверениям фашистского руководства больше, чем своей разведке, полагая, что на территории бывшей Польши и в Восточной Пруссии Германия осуществляла отмобилизование, боевую подготовку и отдых войск для генерального вторжения на британские острова⁷.

До недавнего времени в литературе из-за весьма ограниченного объема источников о деятельности разведки в период войны о ее вкладе в Победу в работах историков упоминалось лишь в самом общем виде или же не говорилось вовсе [Сорокин 2022, 172–180].

Документы внешней разведки периода Великой Отечественной войны и их роль при принятии решений

В многотомном издании СВР непосредственно Великой Отечественной войне посвящены четыре из шести томов издания. События этого периода представлены более чем в 600 документах, отражающих широкий круг военно-политических и экономических вопросов, общим объемом свыше 2000 листов — факсимильных копий шифртелефрамм, спецсообщений, аналитических справок. Аутентичность опубликованных документов сама по себе вызывает большой интерес у историков.

Около четверти материалов, которые содержатся в многотомнике, были адресованы И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.П. Берии и В.Н. Меркулову. Сведения, касающиеся военных приготовлений противника, по указанию руководства НКВД-НКГБ передавались в Главное разведуправление Красной армии. Данные разведки о преступлениях нацистов на оккупированной советской территории поступали в ЦК ВКП(б) и Совинформбюро, а также использовались Наркоматом иностранных дел с целью информирования международной общественности о злодеяниях захватчиков и их пособников в отношении мирного населения и советских военнопленных. Начиная с 1942 года, когда в международной повестке активно начинается обсуждение вопросов, связанных с послевоенным мироустройством, все больший объем развединформации направляется в Наркомат иностранных дел.

Более половины материалов — это шифртелефраммы в Центр из Лондона, Вашингтона, Нью-Йорка, Стокгольма, Токио, Шанхая, Харбина, Стамбула, Анкары, а также Афганистана, Ирана и Швейцарии. Эти материалы использовались аналитиками Разведуправления в текущей работе и впоследствии учитывались при подготовке донесений обобщающего характера для руководства страны.

В период Великой Отечественной войны механизм принятия решений существенным образом изменился, о чем свидетельствуют мемуары советских военачальников Г.К. Жукова, А.М. Василевского, С.М. Штеменко, некоторых руководителей правительства, включая А.И. Микояна⁸, а также глубокие исследования по вопросам советской внешней политики⁹.

⁶ Органы государственной безопасности СССР. Книга первая, с. VIII.

⁷ Органы государственной безопасности. Книга вторая, с. II.

⁸ Василевский А.М. Дело всей жизни: воспоминания начальника Генштаба. М.: Родина, 2019; Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Военное изд-во МО СССР, 1969.

⁹ Переписка Сталина с Рузвельтом и Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. В 2 т. М.: Просвещение, 2017; The Kremlin Letters. Stalin's Wartime Correspondence with Churchill and Roosevelt / ed. by D. Reynolds and V. Pechatnov with the assistance of E. Magadeyev and O. Kucherenko. New Haven, London: Yale University Press, 2018; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. М.: Политиздат, 1983.; Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945. Т. 1. М.: Политиздат, 1984.

И.В. Сталин, находясь во главе Государственного комитета обороны и будучи Верховным главнокомандующим и наркомуом обороны, очевидно, извлек уроки из ошибок предвоенного периода и, в силу крайне неблагоприятных обстоятельств на фронте, а также большого объема задач, которые необходимо было решать в кратчайшие сроки, вынужден был пересмотреть свое отношение к вопросам управления, в том числе сбору и анализу информации. Это относилось и к деятельности разведки, которая в новых условиях решала ряд задач. Важнейшей из них был сбор и анализ сведений стратегического характера о долгосрочных и краткосрочных планах Германии и ее сателлитов; политических течениях в рядах потенциальных противников (прежде всего Японии и Турции); нейтральных странах, среди которых особое место занимала Швеция; развитии ситуации в соседних с Советским Союзом Иране и Афганистане и, конечно, отношениях с главными союзниками по антигитлеровской коалиции — Англией и Соединенными Штатами по всему спектру проблем, начиная с военной и экономической помощи, их стратегических планов и кончая перспективами открытия второго фронта в Европе и послевоенного мироустройства. Наконец, разведка проводила большую работу научно-технического характера в целях укрепления военной и экономической мощи СССР. Документы, раскрывающие работу советской разведки по атомному проекту, представлены в отдельном издании¹⁰. Таким образом, разведка, своевременно выявляя замыслы противника, позволяла советскому руководству более рационально использовать ограниченные ресурсы, а также помогала мобилизовать политическую и материальную поддержку со стороны тех, кто боролся с нацистскими агрессорами и их союзниками.

В начале войны в составе 1-го Управления НКГБ было 10 отделов и две группы. Территориальная структура Разведуправления была схожа с территориальной структурой Наркомата иностранных дел. За рубежом в годы войны работало более 90 легальных и нелегальных резидентур и других разведаппаратов. В отдельных из них одновременно имелось несколько резидентур (США, Китай, Иран, Великобритания и др.). В связи с тем, что внешней разведке не удалось наладить работу в Германии и оккупированных ею странах, центр тяжести ее работы был сосредоточен в Лондоне, где еще в 1930-е годы резидентуре удалось завербовать ряд ценных агентов, среди которых, как уже отмечалось, особо выделялась «Кембриджская пятерка», привлеченная к секретному сотрудничеству на идеино-политической основе выдающимся разведчиком-нелегалом А. Дейчем. Ким Филби занимал в годы войны высокий пост в британской разведке и информировал Центр о ее работе, а также деятельности контрразведки. Другие члены «пятерки» — Г. Берджес, Д. Маклин, А. Блант и Д. Кэрнкросс — обеспечивали доступ внешней разведки к секретным документам военного кабинета, а также к переписке Черчилля с Рузельтом и другими главами государств и правительства, министра иностранных дел А. Идена с послами в Москве, Вашингтоне, Стокгольме, Мадриде, Анкаре и других странах. Кроме того, советская резидентура привлекла ценных агентов из эмигрантских правительств, в том числе польского, югославского, чехословацкого и других. Всего за годы войны из Лондона в Центр поступило около 20 тысяч разведывательных материалов, 90 процентов из которых были подлинными документами. Информация лондонской резидентуры имела особо важное значение в начальный период войны, когда советское руководство ощущало колоссальный дефицит сведений по Германии. В своем дневнике, рассекреченном в 2002 г., руководитель контрразведывательного подразделения британской службы МИ-5 Гай Линдэлл признал: «Нет сомнения, что в вопросах шпионажа русские разбираются лучше кого-либо в мире» [Цит. по: Бертон, Поттс 2024, 31].

¹⁰ Рассекреченные документы по атомному проекту СССР из архива Службы внешней разведки Российской Федерации // СБР [Электронный ресурс]. URL: <http://svr.gov.ru/upload/iblock/0a2/%D0%A0%D0%B0%D1%81%D1%81%D0%B5%D0%BA%D1%80%D0%B5%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BD%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%BD%D1%82%D1%8B%20%D0%AD%D0%BD%D0%BE%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%BD.pdf> (дата обращения: 15.05.2025); Гуськов С.А., Долгушин Е.Б. Операция «Энермоз». Документы внешней разведки. М.: Вече, 2024.

Таким образом, в контексте вопросов государственного управления и внешней политики СССР в период Великой Отечественной войны значение рассматриваемого издания сложно переоценить не только потому, что впервые введен в научный оборот столь значительный объем архивных материалов службы внешней разведки, но и по причине его исключительно высокого качества, которое определялось прежде всего уникальной агентурой в Великобритании, Соединенных Штатах и ряде других стран.

Как известно, формулой успеха государства в условиях войны является наличие ресурсов (людских, материальных, территории и т. д.), помноженное на стратегию и волю тех, кто их использует. Формирование антигитлеровской коалиции само по себе было чрезвычайно сложной задачей, но еще труднее было добиться от союзников максимально возможной помощи, подчас за счет ресурсов, которые в случае Великобритании изначально предназначались для ее собственных нужд. Советскому руководству в ходе переговоров, прежде всего с Лондоном, нужно было найти ту тональность и аргументацию, которые бы позволили в ходе переговоров получить от союзников как материальную (вооружения, стратегические материалы, транспортные средства и средства связи, продовольствие), так и политическую поддержку (давление на Финляндию и других реальных и потенциальных союзников Германии). Для этого исключительное значение имела инсайдерская информация о противоречиях в правительственные кругах, наличие тех, кто симпатизировал борьбе Советского Союза и настаивал на его более существенной поддержке. С этой задачей блестяще справилась советская разведка. В материалах многотомного сборника представлены многочисленные примеры того, как Черчилль и члены его кабинета, находясь под давлением советской стороны, вынуждены были занимать более активную позицию по ряду весьма чувствительных вопросов и, в свою очередь, настаивать на более решительных действиях американской администрации.

Опубликованные документы разведуправления НКВД-НКГБ дают возможность по-новому взглянуть на важные вопросы управления страной, в том числе на место развединформации при подготовке и принятии решений политического и военного характера. Знание «внутренней кухни» в Лондоне и Вашингтоне позволяло советскому руководству более эффективно вести переговоры с союзниками. Очевидно, что Сталин благодаря получаемым от разведки сведениям имел определенные преимущества при подготовке и ведении переговоров. Тем не менее эти источники надо оценивать с учетом всей совокупности имеющихся в распоряжении историков источников и литературы.

В целом Разведуправление информировало руководство страны о ходе событий и их потенциальном развитии через призму оценок, сделанных в Великобритании и Соединенных Штатах. Причем степень и глубина погружения британских спецслужб и внешнеполитического ведомства в представлявшие для Британии интерес страны и регионы была на порядок выше, чем у их американских коллег, которые стали строить свои специальные службы достаточно поздно. Особенно остро недостаток надежной информации в Вашингтоне ощущали применительно к СССР, единственным источником о котором было посольство в Москве.

Для администрации Рузвельта именно Британия выступала источником сведений о промышленном потенциале территорий, включая Ленинград, которые могли быть утрачены в первые месяцы войны. Создание специального отдела, занимающегося Советским Союзом, было инициировано лишь в сентябре 1941 г. с целью получения достоверной информации о способности Красной армии сдержать наискосок вермахта, рвавшегося к Ленинграду и Москве [Katz 1989, 138]. В частности, об этом свидетельствует спецсообщение разведки в ГКО от 3 сентября 1941 года, в котором сообщалось, что по сведениям, полученным агентурным путем из Лондона, 20 августа сын президента США Джеймс Рузвельт пытался выяснить от имени отца у британского посла

в США лорда Галифакса «какую-либо информацию о производственных возможностях Советского Союза». Среди прочего его интересовало, в какой степени будет затронута промышленность Советского Союза в связи с продвижением немцев к Днепру, какая промышленность расположена около Ленинграда и Москвы и что в этих пунктах подвергается опасности. Рузвельт-младший также задал вопрос о производственных возможностях промышленности в районе Урала в отношении выпуска военных материалов. Очевидно, в американском руководстве пытались оценить масштаб понесенных и потенциальных потерь Советского Союза к середине августа 1941 г.¹¹ Таким образом, «золотой жилой» для советской разведки была ее агентура в Лондоне, хотя и в США у СССР были информированные и влиятельные сторонники [Steil 2013a, Steil 2013b]. Часть информации — результат работы дешифровальщиков, которые оперативно доводили до сведения руководства содержание перехваченных донесений дипломатов.

Жанр краткого обзора источников предполагает известную селективность в выборе иллюстративного материала о многотомнике. В начальный период войны особенно остро стоял вопрос о побуждении Лондона и Вашингтона к активной помощи Советскому Союзу, выяснении истинных намерений и возможностей англичан и американцев, получении достоверной информации о настроениях в правительственные кругах Великобритании и США. Благодаря разведке советское руководство накануне московской конференции получило инструкции о ведении переговоров с СССР, которые 19 сентября 1941 года были рассмотрены и утверждены комитетом обороны под председательством Черчилля. С ними был ознакомлен Гарриман. Из этих инструкций следовало, что только при двух условиях Лондон намеревался открыть второй фронт в Европе и высадить десант, включая бронетехнику, в нескольких захваченных немцами странах. Первым из них было вовлечение США в войну, «декларируемую или не декларируемую». Вторым условием являлось существенное ослабление немецкой армии («если мораль немцев и их единство будет серьезно нарушено»). Тогда, говорилось в инструкциях, «мы можем надеяться на генеральное наступление против Германии в 1943 году»¹². На вопрос советского руководства, каким же образом Британия намерена выиграть войну, членам делегации рекомендовалось дать следующий ответ: «Продолжая сражаться до тех пор, пока национал-социалистическая система не развалится, так же как это случилось с кайзеровской системой в прошлую войну»¹³, то есть, по сути, речь шла о войне на исходящем, в которой основной удар на себя должен был принять Советский Союз. Что же касается арсенала средств борьбы с военной машиной Германии, то в инструкциях без тени сомнения отмечались следующие весьма щадящие способы: «...мы будем сражаться с врагами везде, где мы только сможем встретить его в благоприятных условиях. Мы будем подрывать их пропаганду, душить блокадой, неустанно и беспощадно бомбить».

Таким образом, еще в середине сентября 1941 года советское руководство было осведомлено о том, что Британия при благоприятных для себя условиях готова будет открыть второй фронт в Европе в лучшем случае в 1943 году¹⁴. Наличие этой информации позволяло не только знать общий настрой британского правительства по важнейшему вопросу о втором фронте, о необходимости открытия которого Сталин говорил еще в июле¹⁵, но и представлять себе тот исчерпывающий набор средств ведения борьбы с Германией, который для себя определил Лондон. Советский посол в Лондоне И.М. Майский информировал Сталина о том, что позиция Британии во многом определялась доминировавшими в правительственные и военных кругах представлениями о непобедимости вермахта на суше, о неготовности к десантным операциям крупного масштаба,

¹¹ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Л. 124.

¹² Там же. 1941. Л. 195.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. 1941. Л. 196.

¹⁵ Переписка Сталина с Рузвельтом... с. 55.

боязни нового Дюнкерка, что могло спровоцировать правительственный кризис и отразиться на престиже Британии в США и, наконец, чувство самоуспокоенности в связи с тем, что основные силы Германии брошены против Советского Союза и у Британии есть время для подготовки к решающим битвам в будущем. Среди членов Консервативной партии также присутствовало желание ослабить СССР¹⁶. Попытки Сталина побудить своего визави открыть второй фронт, чтобы облегчить положение Красной армии, как известно, не увенчались успехом. Не оказалось должного эффекта и обращение 25 октября 1941 года в британский МИД Криппса, который сообщал о растущем недовольстве в советском правительстве, среди военных и населения в связи с отсутствием вооруженной помощи со стороны Великобритании. Это привело к тому, что отношения между странами «не только не улучшаются, но становятся хуже». Единственный выход рассеять убеждение советского руководства в том, что «мы спокойно сидим и ничего не делаем», Криппс видел в конкретных действиях по ослаблению давления на русском фронте, в противном случае британский посол не исключал возможности того, что «России придется совсем выйти из войны»¹⁷. Эта телеграмма Криппса в Лондон была получена агентурным путем и 7 ноября 1941 г. была передана в ГКО, что, несомненно, было использовано при ведении дальнейших переговоров и оказании еще большего давления на Черчилля. Своего рода квинтэссенцией мнения британского премьера был ответ послу в Москве Криппсу, также доведенный разведкой до сведения руководства страны: «[...] Все, что мы делали или могли бы сделать, не может иметь какого-либо эффекта на колоссальное сражение, происходящее на русском фронте. Однако, мы пока еще можем принять соответствующие меры к подготовке кампании 1942 года [...] Я полностью симпатизирую Вашим чувствам, ибо Вам в непосредственной близости приходится наблюдать агонию России, однако, ни симпатии, ни эмоции не могут преодолеть стоящие перед нами факты»¹⁸. Упоминая в том же документе о 440 истребителях, переданных СССР, Черчилль замечает, что это, «несомненно, мелочь по сравнению с потерями, понесенными русскими военно-воздушными силами». В итоге никаких серьезных предложений военного характера со стороны Черчилля не поступило, не считая неприемлемых для СССР намерений «высвободить» советские войска, охранявшие нефтяные месторождения на Кавказе и Каспии, а также находившиеся в Иране, заменив их британскими. Вместе с тем детальное знание о противоречиях внутри британского руководства по вопросу оказания помощи СССР в конце концов подтолкнули Лондон предпринять шаги по оказанию помощи СССР, которые он изначально не планировал. Советскому руководству в тяжелейших условиях осени 1941 года удалось добиться некоторого улучшения поставок, пусть сперва незначительных, британской военной продукции, включая тяжелые танки, самолеты, противотанковые ружья и пушки, а также пулеметы.

Сталин в максимальной степени использовал полученную от разведки и дипломатов информацию о политической ситуации в Лондоне и оказывал постоянное давление на Черчилля, а через него и на Соединенные Штаты. Переговоры с лидерами Великобритании и США велись не вслепую, а со знанием их реакции, особенно в Лондоне, на запросы Москвы. Безусловно, важную роль в информировании играли советские дипломаты — главы миссий в Лондоне и Вашингтоне, которые непосредственно общались с руководством стран пребывания, однако разведка предоставляла исключительную инсайдерскую информацию о внутренних дискуссиях на основании донесений первоклассной агентуры.

Разведка также давала ценную информацию о настроениях американских дипломатов, которые работали в Москве. Прежде, чем Сталину удалось установить непосредственный личный контакт с Рузвельтом, советской стороне приходилось иметь дело с посольством США и сотрудниками

¹⁶ Там же. С. 56.

¹⁷ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Л. 245.

¹⁸ Там же. 1941. Л. 148.

Государственного департамента. На основании расшифрованных донесений посла США в Москве Л. Штенгардта выяснилось, что в самый сложный для Советского Союза период войны посол Соединенных Штатов не верил в способность СССР продолжать борьбу с Германией и по этой причине не видел смысла в оказании ему помощи, о чем и информировал Вашингтон. Сталин на встрече с Гарриманом назвал его пораженцем в ходе Московской конференции в начале октября 1941 года. В госдепартаменте также доминировали политические предрассудки в отношении СССР, за что президент Рузвельт называл его сотрудников «твердокаменными бюрократами»¹⁹. В Кремле, в том числе на основании полученной от разведки информации о настроениях посла США, пришли к выводу о необходимости установления прямых контактов с Белым домом. Аналогичной позиции придерживался и Гопкинс, который после возвращении из Москвы подсказал Рузвельту идею установления прямого общения с советским лидером. Заметим, что в свое время нежелание США вмешиваться в начавшуюся в Европе войну и, главное, неверие американского посла в Великобритании Дж. Кеннеди, англофоба с ирландскими корнями, в способность британской империи выдержать нападок Германии и соответствующие депеши в Вашингтон, перехваченные английской разведкой в 1940 г., сумевшей взломать американские дипломатические шифры²⁰, побудили Черчилля напрямую общаться с Рузвельтом с целью изменить его отношение к помощи оказавшейся в тяжелейшем положении Британии [Charmley 1995, 8–9, 17–18].

Важной частью работы разведки по ведению разведывательно-диверсионных операций было информирование руководства страны о ситуации на захваченной врагом территории.

Потребность в сборе материалов о политике врага на захваченной советской территории была связана не только с необходимостью разоблачать пропаганду противника, но и для мобилизации международного общественного мнения на борьбу с нацистской Германией. Сведения о злодействиях захватчиков, добытые разведкой, направлялись в ЦК ВКП(б), а затем через сводки Совинформбюро доводились как до населения СССР, так и до международной общественности через соответствующие ноты Наркомата иностранных дел²¹. В разведсводках речь шла об истреблении евреев и коммунистов, ограблении населения на захваченной советской территории, голода и массовой смертности в лагерях для военнопленных. Первые донесения разведки секретарю ЦК ВКП(б) А.С. Щербакову и в Совинформбюро С.А. Лозовскому были направлены 26 и 27 августа 1941 года.

Предоставление информации о человеконенавистнической сущности нацизма, разоблачение пропаганды противника о «превентивной» войне Германии против СССР также входили в круг задач, решаемых армейскими политорганами. 11 июля 1941 г. Главное управление политической пропаганды потребовало от политработников систематически сообщать обо всех известных фактах зверств и издевательств врага над населением и попавшими в плен красноармейцами с указанием конкретных населенных пунктов, где эти факты имели место с подробным изложением сути дела²².

12 ноября 1941 г. начальник Главного политического управления Красной армии Л.З. Мехлис в своей директиве еще раз напоминал политработникам о необходимости предоставления в центр материалов, обличавших фашизм, подчеркивая, что недооценка такого рода работы сужает возможности в области контрпропаганды и воспитания смертельной ненависти к врагу у личного состава Красной армии и у населения СССР, что недостаток материала затрудняет выпуск иллюстрированных журналов и листовок, а также специального сборника документов о зверствах оккупантов²³. Таким образом, разведка и политорганы обеспечивали Совинформбюро обширными сведениями о преступлениях нацистов на оккупированной советской территории, создавая возможности для ведения наступательной пропаганды

¹⁹ Переписка Сталина с Рузвельтом... С. 77.

²⁰ Там же. С. 73.

²¹ Документальные материалы (1939–1945) ... 1941. Лл. 97–99; 172–175; 243; 300–306; 322–326.

²² Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО). Ф. 217. Оп. 1217. Ед. хр. 3. Л. 76.

²³ ЦАМО. Ф. 217. Оп. 1217. Ед. хр. 3. Л. 138.

Особое место в широком перечне успехов советской разведки по выявлению военных планов противника занимает обширная информация о подготовке наступательной операции «Цитадель» в районе Курска летом 1943 года. В общей сложности разведка передала в Центр восемь сообщений об этой операции, три из которых представлены в многотомнике. В частности, 27 мая 1943 г. в спецсообщении о военных планах Германии на ближайшее время говорилось, что «из всех сведений наиболее серьезным является сообщение, полученное 30 апреля из Лондона от заслуживающего доверия источника о подготовке германским командованием крупных операций с целью прорыва фронта в районе Курск — Белгород. Это сообщение подтверждается перехваченной телеграммой, отправленной 25 апреля с.г. из Южной группы германских войск за подпись генерал-фельдмаршала фон Вейхса в адрес оперативного отдела верховного командования германской армии, в которой указывается, что в настоящее время трудно предугадать, попытается или нет противник избежать угрозы окружения с помощью отхода на восток, которое последует за прорывом основных участков на линии фронта “Курск — Белгород — Малоархангельск”, но ему не удастся предупредить выполнения нами плана “Цитадель”. Как указывает источник, план “Цитадель” означает операции по прорыву нашего фронта в районе Курск-Белгород»²⁴. На спецсообщении П.М. Фитина заместитель наркома НКВД А.З. Кобулов поставил резолюцию: «т. Фитин. Сообщены ли эти данные в НКО т. Голикову? Кобулов. 27.5.43». Ниже в документе есть пометка Фитина: «Сообщить т. Голикову»²⁵.

Как отмечал один из вдохновителей и ключевых участников наступления вермахта летом 1943 года фельдмаршал Э. фон Манштейн, операция «Цитадель» была последней попыткой Германии сохранить инициативу на Востоке. «С ее неудачей, равнозначной провалу, — писал после войны фельдмаршал, — инициатива окончательно перешла к советской стороне»²⁶ [Замулин 2018].

Данные о намерениях противника, как отмечал в своих мемуарах Г.К. Жуков, подтверждались «всеми видами разведки». «Обрабатывая полученные сведения, Генштаб должен был глубоко проанализировать их, сделать надлежащие выводы из всех многочисленных сообщений, среди которых могли быть и дезинформационные, и ошибочные. Ведь такую многогранную работу, как известно, выполняют тысячи людей в органах агентурной ивойской разведки, партизаны и сочувствующие нашей борьбе люди. Противник, готовясь к действиям, проводил систему мероприятий, чтобы скрыть свои намерения <...> В этом высшие штабы должны были суметь разобраться и отличить настоящее от фальшивого»²⁷. В целом это удалось сделать и подготовиться должным образом к отражению немецкого наступления, однако, по признанию заместителя Верховного главнокомандующего, все детали операции «Цитадель» стали известны, конечно, лишь позднее из немецких трофейных документов²⁸.

В мемуарах С.М. Штеменко, который с 1943 г. и до конца войны возглавлял Оперативное управление Генштаба, отмечалось, что в конце марта и в начале апреля 1943 года и разведчики, и работники оперативных отделов фронтов обращали внимание на наличие в районе Орла, Белгорода и Харькова авиационно-танковых ударных группировок, мощь которых все время наращивалась. «Это обстоятельство, — отмечал Штеменко, — расценивалось как прямое доказательство наступательных намерений врага<...> Вопрос “где” не являлся слишком трудным. Ответ на него мог быть только один — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг»²⁹.

²⁴ Документальные материалы (1939–1945) ... 1943. Л. 181.

²⁵ Там же. 1943. Л. 180.

²⁶ Манштейн Э. Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999. С. 509.

²⁷ Жуков Г.К. Воспоминания. С. 36.

²⁸ Там же. С. 7-8.

²⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1989. С. 150.

Начальник Генштаба А.М. Василевский в своих воспоминаниях обращал внимание на то, что весной – летом 1943 г. советское командование предъявляло особые требования к органам военной разведки. «В первые два года войны мы, руководители, Генштаба, не раз выслушивали справедливые упреки Верховного главнокомандующего в адрес Разведывательного управления. В 1943 году таких замечаний почти не было. Как ни стремился враг держать в тайне планы своего наступления, как ни старался отвлечь внимание советской разведки от районов сосредоточения своих ударных группировок, нашей разведке удалось определить не только общий замысел врага на летний период 1943 года, направление ударов, состав ударных группировок и резервов, но установить время начала фашистского наступления», — писал Василевский. При этом по инициативе Генштаба фронты курского направления дважды предупреждались о возможном наступлении врага в ближайшие дни, которого не последовало, но это произошло не из-за ошибок разведки, а вследствие попыток противника еще более усилить сосредоточенные под Курском и Борисовкой войска³⁰. Важно отметить, что в принятии решения Ставкой ВГК относительно подготовки к отражению немецкого наступления летом 1943 г. принималась во внимание вся совокупность информации о летних планах Германии, в том числе и многократно повторявшиеся из различных источников донесения по линии Разведуправления НКВД.

Отдельного внимания заслуживают материалы разведки, посвященные обеспечению интересов Советского Союза на Балтике и его отношениям с Финляндией. В литературе, к сожалению, немного сказано о внешнеполитической составляющей попыток обеспечить безопасность Ленинграда с северного (финского) направления. Известно о нескольких просьбах Сталина, адресованных Черчиллю и Рузвельту, добиться прекращения Финляндией наступательных операций в 1941 г., однако широкий контекст, за исключением двух-трех писем, адресованных из Лондона и Вашингтона в посольства своих стран в Хельсинки с призывом оказать давление на финское руководство, до сих пор был скрыт. Материалы разведки проливают свет на позицию Лондона на ряд значимых, на наш взгляд, сюжетов, связанных с этим важным регионом. Напомним, что именно стремление обеспечить безопасность Ленинграда с севера Сталин назвал важнейшей причиной, побудившей Советский Союз «отодвигать» границу от Ленинграда с помощью силы³¹.

Ранней весной 1942 г. из Лондона в Центр была направлена шифртелеграмма, в которой содержались сведения, имевшие отношение к перспективам военных действий вокруг Ленинграда. В документе, в котором приводились выдержки из резюме материалов английской контрразведки о положении дел в Германии и Финляндии³², сообщалось, что финские войска предполагалось отвести с фронта для выполнения сельхозработ. Немцы согласились послать свои войска на Свири с условием, что в марте финны организуют наступление для обеспечения выхода к Белому морю, а после этого могут отвести свои войска. 25 апреля 1942 г. из Стокгольма поступила еще одна шифртелеграмма, в которой содержалась подробная информация о положении и настроениях в армии Финляндии³³. В ней говорилось о том, что Финляндия испытывает острый недостаток в людях: «мобилизовано 16% населения... Потери в этой войне составляют 60 тыс.»³⁴

Финская тема присутствует в последующих сообщениях разведки: 4 мая сообщалось о нежелании Маннергейма проявлять активность на фронте; источник из Стокгольма также предлагал отказаться от травли финского главнокомандующего, с которым «можно договориться, когда ему придется выбирать: мир с СССР или окончание оккупации Финляндии немцами»³⁵.

³⁰ Василевский А.М. Дело всей жизни. М.: Политиздат, 1978. С. 310–311.

³¹ «Зимняя война»: работа над ошибками (апрель–май 1940 г.). Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании. М.; СПб: Летний сад, 2004. С. 32.

³² Документальные материалы (1939–1945) ... 1942. Л. 117–120.

³³ Там же. 1942. Л. 147–148.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же. 1942. Л. 166.

Отметим, что впоследствии Сталин вывел Маннергейма из-под удара, а следовательно, и Финляндию как союзницу Германии в реализации блокады Ленинграда.

Вскоре Фитин информировал ГКО об агентурном сообщении из Лондона с текстом телеграммы английского посла в США Галифакса в адрес МИД Англии (№ 2155 от 13.04.1942). В нем говорилось о том, что инициатива мирных переговоров с финнами должна исходить от советской стороны: «Представители Англии и Америки не должны предпринимать каких-либо шагов или выступать с заявлениями, которые могли бы дать советскому правительству повод заподозрить Америку и Англию в заключении сделки с финнами за счет Советов. В то же время (государственный) департамент считает необходимым принять меры к тому, чтобы ослабить зависимость Финляндии от Германии в области снабжения. Однако департамент еще не приступил к разрешению этого вопроса...» Таким образом, речь шла о весьма дружественных в отношении СССР шагах, включая создание материальных предпосылок для менее болезненного и поэтому более скорого выхода Финляндии из войны³⁶.

В пространном Меморандуме министра иностранных дел Англии Идена «Политика в отношении России», полученном агентурным путем 27 февраля 1942 г., были затронуты вопросы, касающиеся будущего прибалтийских республик и обеспечения безопасности СССР на Балтике после войны. В частности, Иден отмечал, что «с чисто стратегической точки зрения как раз в наших интересах, чтобы Россия снова обосновалась в Прибалтике с тем, чтобы иметь возможность лучше оспаривать у Германии господство на Балтийском море, чем она могла это делать с 1918 г., когда для доступа к Балтийскому морю имеется только Кронштадт»³⁷. Однако, по мнению Идена, Британия была вправе потребовать от Советского Союза что-то взамен. «Конечно, нельзя, — полагал Иден, — делать эту или другую уступку Сталину без того, чтобы не потребовать quid pro quo (соответствующей услуги за услугу). По своей восточной манере мыслить, он (Сталин) истолковал бы как проявление слабости, если бы мы этого не потребовали. Кроме того, настаивая на этом, мы устанавливаем правила, что взаимные уступки нам являются необходимым условием, что затруднит советскому правительству возможность производить на нас нажим с требованием дальнейших уступок»³⁸. Подводя итог своим размышлениям о будущих границах, Иден резонно отметил, что «...наше согласие или наш отказ не могут так или иначе отразиться на русских послевоенных границах: ни мы, ни Америка не сможем заставить СССР уйти с занятой им в конце войны территории»³⁹.

Итоговая формула для переговоров со Сталиным, предложенная Иденом кабинету, звучала весьма взвешенно и по вопросу границ с Финляндией радикально отличалась от того, на что была готова пойти советская сторона в августе – сентябре 1941 года: «...Мы желаем и намерены работать вместе с Вами после и считаем, что тесное сотрудничество существенно для обоих сторон и для поддержания мира в Европе. Мы понимаем важность, которую Вы придаете границам июня 1941 года, исходя из соображений Вашей собственной безопасности. Мы не возражаем против этой границы, которую Вы установили с Финляндией, потому что финны позволили Гитлеру использовать себя как орудие в его руках...»⁴⁰

Заключение

Опубликованные Службой внешней разведки документы дают исследователям механизма принятия решений в период Великой Отечественной много пищи для размышлений. Мы попытались обратить внимание читателя лишь на некоторые сюжеты, представление о которых значительно расширилось в связи с доступом к новым архивным материалам.

³⁶ Там же. 1942. Л. 169–170.

³⁷ Там же. 1942. Л. 67.

³⁸ Там же. 1942. Л. 68.

³⁹ Там же. 1942. Л. 69.

⁴⁰ Там же. 1942. Л. 72.

Список литературы:

Бертон С., Поттс Дж. Верховные главнокомандующие Второй мировой войны. Сражения Сталина, Черчилля, Рузвельта и Гитлера. М.: Литтера, 2024.

Замулин В.Н. Курск-43. Как готовилась битва «титанов». Книга 1. М.: Эксмо: Яуза, 2018.

Лаврентьев А. Ким Филби и «Кембриджская пятёрка». Главные документы и свидетельства. М.: Комсомольская Правда, 2024.

Сорокин А.К. В штабах Победы. Очерки истории государственного управления в СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Политическая энциклопедия, 2022.

Charmley J. Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57. New York: Harcourt Brace & Company, 1995.

Katz B.M. Foreign Intelligence. Research and Analyses in the Office of Strategic Services 1942–1945. Cambridge MA: Harvard University Press, 1989.

Steil B. Red White: Why a Founding Father of Postwar Capitalism Spied for the Soviets // Foreign Affairs. 2013a. Vol. 92. Is. 2. P. 115–122, 124–129.

Steil B. The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order. Princeton: Princeton University Press, 2013b.

References:

Berthon S., Potts J. (2024) *Warlords: An Extraordinary Re-creation of World War II through the Eyes and Minds of Hitler, Churchill, Roosevelt, and Stalin*. Moscow: Littera.

Charmley J. (1995) *Churchill's Grand Alliance: The Anglo-American Special Relationship 1940–57*. New York: Harcourt Brace & Company.

Katz B.M. (1989) *Foreign Intelligence. Research and Analyses in the Office of Strategic Services 1942–1945*. Cambridge MA: Harvard University Press.

Lavrent'ev A. (2024) *Kim Filbi i "Kembridzhskaya pyatyorka". Glavnye dokumenty i svideatel'stva* [Philby and the "Cambridge Five". Key documents and testimonies] Moscow: Komsomol'skaya Pravda.

Sorokin A.K. (2022) *V shtabakh Pobedy. Ocherki istorii gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.* [At the Victory headquarters. Essays on the history of public administration in the USSR during the Great Patriotic War of 1941–1945] Moscow: Politicheskaya ehnciklopediya.

Steil B. (2013a) Red White: Why a Founding Father of Postwar Capitalism Spied for the Soviets. *Foreign Affairs*. Vol. 92. Is. 2. P. 115–122, 124–129.

Steil B. (2013b) *The Battle of Bretton Woods: John Maynard Keynes, Harry Dexter White, and the Making of a New World Order*. Princeton: Princeton University Press.

Zamulin V.N. (2018) *Kursk-43. Kak gotovilas' bitva "titanov". Kniga 1* [Kursk-43. How the battle of the "titans" was prepared. Book 1] Moscow: Ehksmo: Yauza.